

Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство на досудебных стадиях уголовного процесса

Тимошенко А.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: antimi@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема соблюдения права на справедливое судебное разбирательство на досудебной стадии уголовного процесса. Предлагается учитывать второстепенность досудебной деятельности, задачей которой является подготовка материалов к судебному разбирательству. При этом состязательность на стороне обвинения не допускается. Анализ решений Европейского Суда по правам человека свидетельствует о достаточной размытости границ разделяющих констатацию фактов наличия или отсутствия нарушения ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (право на справедливое судебное разбирательство). Однако в любом случае решения мотивируются соблюдением гарантий реализации доступа к правосудию. Отсюда любое ущемление возможности судебной защиты этих прав, создание препятствий для суда обстоятельно разобраться в случившемся указывают на нарушение ст. 6 Конвенции. **Ключевые слова:** право на справедливое судебное разбирательство, стадии уголовного процесса, прокурор, следователь, судья, судебная защита конституционных прав.*

В последнее время критика в адрес правоохранительных органов звучит практически постоянно. Часто в Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ указывает на недостатки работы органов внутренних дел, следователей (давление на бизнес, нераспорядительность в отношении обратившихся за защитой). В 2016 г. им, на наш взгляд, было обращено внимание на главное: «Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Это вообще особенность нашей культуры»¹.

А поэтому является интересным: какие существуют признанные международным сообществом и Конституционным Судом РФ правила оценки справедливости действий уполномоченных должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса.

На первый взгляд парадоксальность заявленной темы вызывает настороженность: какое может быть справедливое судебное разбирательство на досудебных стадиях уголовного процесса. Между тем деление уголовного судопроизводства на стадии условно: оно призвано обеспечить лишь удобство производства по уголовному делу. Но в любом случае окончательное решение должно приниматься судом.

Действительно, суд является активным участником уголовного судопроизводства и именно он за счет особенностей организации своей деятельности, после соблюдения ряда обязательных принципов (непосредственности, гласности, публичности, равенства прав сторон) вправе вынести судебное решение, обладающее по сравнению с иными правоприменительными актами особой юридической силой.

В этом документе заключен результат осуществления правосудия по конкретному делу: лицо выслушано уполномоченным государственным чиновником (судьей), оно могло свободно защищаться против предъявленных обвинений, убедиться в обоснованности утверждений о совершении им преступления и теперь обязано или претерпеть неудобства уголовного наказания или, наоборот, имеет право на реабилитацию.

Здесь, как нам кажется, важно подчеркнуть особый уровень правосудия, который должен свершиться для того, чтобы верным было предыдущее наше утверждение.

Требуется осуществить Правосудие, а не формальное следование судьей букве закона. Провозглашая названные принципы судопроизводства, законодатель установил приоритет свободного волеизъявления профессионального юриста, назначенного в установленном порядке Высшим должностным лицом страны — Президентом РФ, после полного исследования всех обстоятельств уголовного дела.

Высокие стандарты качества правосудия² были заданы еще древнегреческим философом Аристотелем. В «Никомаховой этике» им отмечено, что «правосудным человек является тогда, когда правосудные дела он совершает по сознательному выбору, а о правосудном деле можно говорить, если поступают только по своей воле»³.

Поэтому вытекающим из естественного хода вещей стратегической задачей правоприменителей является создание необходимых условий судьям для развития их личностной свободы и в некоторой степени «подчинения» им всей системы правоохранительных органов, каждое реше-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ в 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 06.01.2017).

² Хотя философ относил термин правосудие к характеристике любого разумного гражданина.

³ Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Изд-во «Мысль», 1983. С. 163.

ние должностных лиц которых должно оставаться подвластно судебному контролю.

Понимание важности справедливости для осуществления правосудия привело международное сообщество к мысли о закреплении в системе защищаемых, в частности, на Европейском континенте, прав человека права на справедливое судебное разбирательство. При этом привлеченные к разработке этого авторитетного акта международного гуманитарного права юристы не случайно настояли именно на формулировке «справедливое судебное разбирательство», так как любое другое разрешение уголовного деликта, например, в кулуарном режиме, правосудием не является и заменить его не в состоянии.

Статья 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» в одном ряду с правом на жизнь, правом на свободу и личную неприкосновенность, правом на защиту личности от жестокого обращения и другими называет право на справедливое судебное разбирательство.

Конституционный Суд РФ поддержал этот подход и неоднократно указывал на приоритетность «ординарного» разбирательства любого спора «независимым и беспристрастным судом»⁴ в целях практической реализации гарантий, закрепленных в ч. 3 ст. 50 Конституции РФ. Примечательно, что право на справедливое судебное разбирательство выводится из закрепленного в ст. 46 Основного закона страны права на судебную защиту⁵, которая даже в результате обывательского толкования должна распространяться и на досудебные стадии процесса. Конституционный Суд РФ признает необходимым применение принципа справедливости наряду с иными принципами правового государства: верховенства закона, юридического равенства и т.д. Именно поэтому указанный принцип распространяется на все стадии уголовного процесса⁶.

В подтверждение нашей позиции и Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд, ЕСПЧ) считает, что объектом защиты в соответствии со ст. 6 Европейской конвенции является в целом справедливость процесса⁷. И суд делает эти выводы, опираясь не на мертвую

букву закона, а на конкретные правоотношения, возникшие в связи с применением права, в том числе и на досудебных стадиях процесса.

Поэтому в решениях Европейского Суда по вопросу проверки возможного нарушения ст. 6 Европейской конвенции можно встретить оценку обоснованности применения в том или ином деле положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих стадии досудебного производства.

В этой статье нашей задачей видится установление причин нарушения ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» на стадии досудебного производства по уголовному делу с учетом российского уголовно-процессуального законодательства.

Почему для нас так важна стадия досудебного производства?

Дело в том, что традиционно в России, еще с советских времен, предварительному следствию придается особое значение. На следователе лежит большой груз ответственности: он обязан всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела, собрать необходимые доказательства для представления в суд и пусть даже в негативном смысле решить вопрос о виновности лица в совершении преступления⁸. В связи с этим М.С. Строгович писал: «судебная практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев источником ошибок суда служат дефекты предварительного следствия»⁹.

С наращиванием потенциала состязательности уголовного судопроизводства, подтверждением особой роли суда, как главной фигуры процесса¹⁰, роль органов досудебного производства должна была снижаться. Ведь, действительно, для целей правосудия значение дознания и предварительного следствия относительно невелика — обеспечить досудебную подготовку материалов для рассмотрения в суде существа спора.

Задача всей досудебной деятельности заключается в максимальном облегчении процесса истинного правосудия, который осуществляется ни кем иным как судьей: установить лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, заранее сформулировать привлеченным к уголовной ответственности обвинение, чтобы они к моменту судебного заседания смогли изложить судье свой взгляд на развитие событий.

На досудебной стадии не возбраняется проведение трудоемких экспертиз, чтобы сэконо-

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1541-О «По жалобе гражданина Тихуна Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Решение ЕСПЧ от 15.05.2007 «По вопросу приемлемости жалобы № 74691/01 “Долгоносов (Dolgonosov) против Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Вынося при этом постановление о прекращении уголовного дела.

⁹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 41.

¹⁰ Здесь стоит отталкиваться от начала реализации Концепции судебной реформы в Российской Федерации, утвержденной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

мать судье его рабочее время. Однако при необходимости он и сам может их назначить¹¹.

О вторичной роли следователя в уголовном процессе свидетельствует и передача суду полномочий по проверке обоснованности любых решений, затрагивающих права граждан (ст. 125 УПК РФ), а также единоличное решение вопроса о применении мер уголовно-процессуального принуждения (заключение под стражу, арест имущества и т.д.).

Однако на практике значение органов предварительного расследования все еще остается значительным. Обусловлено это рядом факторов.

Во-первых, суды выносят по делам, поступившим к ним от органов предварительного расследования, не более 1% оправдательных приговоров¹².

Во-вторых, два из трех дел, поступивших в суд, рассматриваются в особом порядке¹³. А, как мы уже упоминали, в экстраординарных процессах справедливого правосудия не осуществляется.

В-третьих, по отдельным составам заметна значительная разница между числом возбужденных уголовных дел и числом направленных в суд.

Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ в 2016 г. в органах предварительного расследования находилось на рассмотрении более 13 млн сообщений о преступлениях, расследовалось более 3,3 млн уголовных дел, а в суд для рассмотрения по существу направлено лишь чуть более 890 тыс. дел, т.е. не более 27% от числа расследовавшихся. Только Следственным комитетом РФ по всем видам мошенничества возбуждено 4 618 уголовных дел, а в суд за тот же период направлено лишь 2 130 уголовных дел.

По словам заместителя Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдова 90% подсудимых в стране признают свою вину. В связи с этим в общем порядке рассматривается лишь 25% уголовных дел¹⁴.

В литературе уже продвигаются идеи особенности «следственной власти», обосновывается ее самостоятельный характер, независимость и беспристрастность¹⁵.

Однако закрепленное и в Европейской конвенции «О защите прав человека и основных

свобод», и в Конституции РФ общепризнанное правило: каждому должно быть обеспечено право на судебную защиту (справедливое судебное разбирательство) даже в случаях, когда судебное заседание по делу, в конце концов, не произошло, оставляет следственным органам второстепенную роль. И этот контроль априори должен быть эффективным.

В этой связи следственная власть не должна быть самодостаточной. Действовавший до 2007 г. механизм обеспечения самостоятельности следователя, предполагавший обжалование вышестоящему прокурору указания нижестоящего прокурора, был необходим и в развитии не нуждался, так как вышестоящий прокурор являлся, как правило, должностным лицом, принимавшим окончательное решение. Затягивания сроков расследования не происходило, права граждан защищались. После реформы, позволившей уже следственному органу в целом сформулировать свою позицию по делу, которая привела к появлению громоздких процедур несогласия с решением вышестоящего прокурора, на стороне обвинения появилась в итоге своя самостоятельность, которая лишь губит общее дело — проведение предварительного, досудебного следствия, носящего, повторимся, второстепенный, по сравнению с судебным, характер.

Поэтому мы можем наблюдать игнорирование следственными органами позиций прокуратуры, за которой законодатель оставил право принимать окончательное решение по уголовному делу, представленному для утверждения обвинительного заключения.

Может быть логичным следствием самостоятельности на стороне обвинения в уголовном процессе должно стать введение процедуры судебного рассмотрения данного спора с применением механизмов, изложенных в Кодексе административного судопроизводства РФ. Это особенно важно, если учесть, что ни прокурор, ни руководитель следственного органа, ни следователь не имеют своего интереса в деле (иначе они были бы отведены в установленном порядке), в результате их действий всегда страдает обычный гражданин, находящийся под особой защитой судебной власти.

И так, какие же гарантии реализации права на справедливое судебное разбирательство на досудебных стадиях уголовного процесса должны быть обязательно соблюдены. Попытаемся вывести закономерности, которым из года в год следует Европейский Суд по правам человека.

Выглядит достаточно естественным с нашей стороны обращение прежде всего к случаям официального участия судей на досудебных стадиях уголовного процесса.

Для начала рассмотрим избрание **по решению суда меры пресечения**. Это объясняется тем, что именно при реализации единолично су-

¹¹ Например, именно так часто происходит по делам о преступлениях против жизни и здоровья, когда прямо в судебном заседании проводится ситуационная судебно-медицинская экспертиза с участием, при необходимости, эксперта-трасолога.

¹² Данный факт признан Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым на совещании представителей судов общей юрисдикции (Соковнин А. Верховный Суд отлаживает судопроизводство // Коммерсантъ. 2017. 1 мар. № 35.

¹³ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.03.2017).

¹⁴ Коммерсантъ [электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3230384> (дата обращения: 02.03.2017).

¹⁵ См., напр.: Багмет А.М., Цветков Ю.А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9.

дней районного звена правомочия избрать меру пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу осуществляется своего рода промежуточный контроль качества расследования путем установления достаточности оснований для подозрения лица в совершении преступления. И именно здесь встречается множество ошибок.

Как мы помним, в соответствии со ст. 108 УПК РФ в заседании суда вправе принять участие прокурор и адвокат вместе с обвиняемым, а также по поручению прокурора следователь. В основе решения суда об избрании данной меры пресечения лежат только фактические обстоятельства, проверенные в судебном заседании. Справка оперативного сотрудника о необходимости удовлетворить ходатайство следователя, единственная в своем роде положенная в основу постановления об избрании меры пресечения, является недопустимым в этом случае доказательством, что влечет безусловную отмену соответствующего судебного решения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Если суммировать требования закона, предъявляемые к основаниям применения данной меры процессуального принуждения, то одним из главных является установление достаточных оснований подозревать лицо в совершении преступления. Как видим, указание на необходимость установления конкретных обстоятельств закон не содержит.

Пленум Верховного Суда РФ постановлением от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» определил, что обоснованное подозрение должно сводиться при рассматриваемых нами обстоятельствах к установлению причастности к совершенному преступлению (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Однако, на наш взгляд, такое решение является несколько неудачным, так как термин «причастный» (или его антипод — «непричастный») обозначает более глобальную характеристику отношения лица к преступной деятельности.

В соответствии со ст. 5 УПК РФ непричастность есть неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления. Она может являться основанием для прекращения уголовного преследования (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Вывод о причастности лица к совершению преступления по сути есть основание для направления уголовного дела в суд и постановки обвинительного приговора.

Европейский Суд по правам человека также сформировал свое отношение к степени дозволенности подозрения лица в совершении преступления, и эта позиция, к сожалению, не всегда учитывается правоприменителями. Так, по одному из дел он указал, что при рассмотрении судьей вопроса о мере пресечения, решение о продлении срока содержания под стражей не должно «выражать убежденность в том, что заявитель совершил преступление»¹⁶.

В советской доктрине уголовно-процессуального права подобные рассуждения уже встречались: следователь лишь меньшей степенью вероятности, чем суд, считает, что обвиняемый совершил преступление¹⁷.

Однако Европейский Суд требует применять в тексте выражения, если можно так выразиться, с меньшим эмоциональным окрасом.

Поэтому в тексте судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или любой иной стоит использовать фразы: «представленные в суд доказательства свидетельствуют о том, что N. мог совершить преступление (мог быть причастен к совершению преступления) при обстоятельствах, изложенных в постановлении следователя...». Иной подход, по мнению ЕСПЧ, может привести к сомнениям в беспристрастности судьи при будущем рассмотрении уголовного дела по существу.

Изучение практики Европейского Суда по правам человека выявляет еще одну особенность его взглядов на досудебное производство: **судебное заседание по вопросу о выдаче лица**, подозреваемого правоохранительными органами иностранного государства в совершении преступления, **носит исключительный характер**, и поэтому на него в меньшей степени распространяются требования об обеспечении справедливого судебного разбирательства, затрагивающие принцип презумпции невиновности. Разрешая запрос иностранного государства, национальный суд лишь констатирует соблюдение формальной международной процедуры, предшествующей выдаче, сами доказательства он не рассматривает. При этом он также не делает выводов о виновности выдаваемого и ограничивается лишь констатацией при возможности рассмотренного нами выше обоснованного подозрения¹⁸.

Дело в том, что Европейским Судом достаточно давно сформулирована точка зрения о недопу-

¹⁶ § 28 Постановления Европейского Суда по правам человека от 13.06.2013 по делу № 22875/02 «Роменнский (Romenskiy) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См. подробнее об этом: Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. С. 64–65.

¹⁸ См. подробнее: § 125 постановления ЕСПЧ от 21.10.2010 по делу «Гафоров (Gaforov) против Российской Федерации» (жалоба № 25404/09) // СПС «КонсультантПлюс».

стимости без вступившего в законную силу приговора суда официальным должностным лицам государственных органов заявлять о виновности обвиняемого¹⁹. А в этом случае решение суда о выдаче и может стать таким заявлением. Правда здесь не стоит путать соответствующие высказывания с сообщениями о подозрении в совершении преступления лица, доставленного в орган внутренних дел²⁰.

Аналогичные требования распространяются на высказывания адвоката-защитника, который, критикуя, по его мнению, незаконные действия судебных чиновников или сотрудников правоохранительных органов, должен придерживаться известных пределов²¹. Однако в любом случае воздействие на адвоката за недопустимые, по мнению властей, высказывания не должно иметь так называемый «замораживающий эффект», т.е. создавать стороне защиты ощутимые препятствия в участии в отправлении правосудия²². Иными словами публичный интерес не может оправдывать меры, затрагивающие существо права на защиту²³.

Как видим, с учетом таких достаточно размытых формулировок Европейского Суда по правам человека при определении дозволенного поведения следователю стоит исходить из принципа разумного толкования положений Европейской конвенции, который сам по себе достаточно зыбок и колеблется от субъективных взглядов конкретного судьи, конкретного правоприменителя. Мы можем лишь посоветовать в соответствующих правоприменительных актах уделить особое внимание разработке мотивировочной части принятого решения, которая обосновывает разумность принятого решения²⁴.

Упомянутое нами выше недопустимое «замораживающее воздействие» на адвокатов очень важно для организации надлежащего предварительного расследования. Остановимся подробнее на случаях **обыска** по месту работы и проживания этой категории профессиональных юристов.

В постановлении от 09.04.2009 по делу «Колесниченко (Kolesnichenko) против Российской Федерации»²⁵ Европейский Суд отметил, что вмешательство в профессиональные секреты адвокатов может оказать негативное влияние на реализацию прав, гарантированных ст. 6 Европейской конвенции. Избежать этого позволит наличие специальной процедуры проведения обыска у адвоката.

Конституционным Судом РФ в развитие идей Европейского Суда по правам человека предложено считать такими гарантиями: получение судебного решения, в котором должен быть указан конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения, с тем, чтобы обыск не приводил к получению информации о тех клиентах, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному делу; запрет фото-, видео и иной фиксации материалов адвокатских производств в той части, которая составляет адвокатскую тайну²⁶.

Не меньшей защитой, по мнению Европейского Суда по правам человека, должны уже на досудебных стадиях процесса пользоваться лица, ущемленные следствием в имущественных правах. Здесь, как становится ясно, имеются в виду ограничения, которые должны быть у суда и у правоохранительных органов в вопросе реализации полномочий о наложении **ареста на имущество**.

Право на справедливое судебное разбирательство в этом случае нарушается, если арест имущества обвиняемого будет чрезмерно долгим. Данный вывод был сделан Европейским Судом по делу «Боржонов (Borzhenov) против Российской Федерации»²⁷. Для данного вывода Судом использованы уже выработанные по другим делам позиции:

1) любые меры принуждения, принимаемые государством, должны характеризоваться разумной связью пропорциональности между применяемыми средствами и преследуемой целью (справедливое равновесие);

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 10.02.1995 «Аллене де Рибемон (Allenet de Ribemont) против Франции» (жалоба № 15175/89) // СПС «КонсультантПлюс»; Постановлении ЕСПЧ от 03.10.2002 по делу «Бехмер (Bohmer) против Германии» (жалоба № 37568/97) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 20.12.2011 по делу «Эргашев (Ergashev) против Российской Федерации» (жалоба № 12106/09) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: § 44 постановления ЕСПЧ от 04.04.2013 «Дело «Резник (Reznik) против Российской Федерации» (жалоба № 4977/05) // СПС «КонсультантПлюс».

²² См.: Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 «Дело «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01) // СПС «КонсультантПлюс».

²³ § 93 Постановления ЕСПЧ от 10.03.2009 «Дело «Быков (Bykov) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Подробнее об этом см.: Тимошенко А.А. Пределы свободной оценки доказательств по уголовным делам // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 205–211.

²⁵ Жалоба № 19856/04 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других»; определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 186-О «По жалобе гражданина Мошкина Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 165, 183 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Постановление ЕСПЧ (жалоба № 18274/04) // База решений Европейского Суда по правам человека [электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.10.2016).

2) наложение ареста на имущество должно сопровождаться определенными процессуальными гарантиями, которые позволят не допустить превращения законного процессуального принуждения в отношении гражданина в категорию произвольного или непредсказуемого.

Надо сказать, что Конституционный Суд РФ данный вопрос также рассматривал, после чего им было принято известное постановление от 31.01.2011 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой»²⁸. Было признано неконституционным наложение ареста на имущество третьих лиц (не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми) в целях обеспечения имущественных взысканий по уголовному делу²⁹.

В последующем в ст. 115 УПК РФ были внесены соответствующие изменения, которые свелись к установлению обязательного продления срока наложения ареста на имущество третьих лиц по решению суда.

Как мы видим, половинчатость данной законодательной новеллы очевидна. Это связано с тем, что ограничение имущественных прав обвиняемого или третьего лица особого различия с точки зрения реализации охраняемых в соответствии со ст. 6 Европейской Конвенции положений не имеет.

Нам остается предположить, что изменения в ст. 115 УПК РФ были связаны с позицией Конституционного Суда РФ, который столкнулся лишь со вторым видом имущественного ограничения, примененного по делу заявителя.

Между тем связь практики Конституционного Суда РФ и Европейского Суда более чем очевидна. К примеру, по вопросам, с которыми российские правоприменители сталкиваются впервые, обращение к основам толкования Европейской конвенции становится единственным способом обосновать позицию по конкретной жалобе.

В свете рассматриваемой темы нам интересна проблема **использования показаний анонимных свидетелей** (ч. 9 ст. 166 УПК РФ)³⁰.

По сути Конституционный Суд имплементировал в российскую правовую систему в целом негативное отношение к данному виду доказательств, которое нужно учитывать при организации предварительного расследования.

Например, в решении по делу Ван Мехелен против Нидерландов Европейский Суд резюмировал: лишь в исключительных случаях следует прибегать к использованию показаний анонимных свидетелей — лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами на конфиденциальной основе или полицейских (именно на таких лицах лежит обязанность повиновения исполнительным властям государства, и они связаны с прокуратурой; кроме того, сама природа их служебных обязанностей требует дачи показаний ими в открытом судебном заседании)³¹.

Действительно, действующее уголовное-процессуальное законодательство каких-либо ограничений на использование в процессе доказывания по уголовным делам показаний анонимных свидетелей не содержит. Однако проведенное нами исследование показало, что эта практика в Российской Федерации имеется³². Разумный подход к оценке негласных возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, показал, что отсутствие гарантий в этой сфере для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, достаточно опасно для целей осуществления независимого, гласного и беспристрастного правосудия.

Соответственно, при решении вопроса о направлении уголовного дела в суд еще на досудебных стадиях уголовного процесса следователю, руководителю следственного органа и, наконец, прокурору стоит учитывать эти факторы и определять объем собранных доказательств, на которые ссылается сторона обвинения с учетом названных нами ограничений.

Рассмотрение заявленной темы не мыслится без изучения отношения Европейского Суда по правам человека к проблеме организации **должного судебного контроля** за предварительным расследованием.

Судебный контроль за деятельностью должностных лиц, осуществляющих в силу предписанных им полномочий уголовное преследование, должен быть максимально широк в толковании и универсален при применении конкретных норм права.

Даже если в законе прямо не указано на возможность обращения в суд за защитой своих

²⁸ СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ См. подробнее: Тимошенко А.А. Механизмы защиты от необоснованного ареста имущества по уголовным делам об экономических преступлениях (возможные способы доступа к правосудию третьих лиц) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 107–116.

³⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2008 № 1090-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение

его конституционных прав положением части восьмой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Решение от 23.04.1997 «Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов» // СПС «КонсультантПлюс».

³² См. подробнее: Тимошенко А.А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как мера безопасности в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

прав, граждане должны знать — они всегда могут рассчитывать на институт судебного контроля и надеяться на всестороннее рассмотрение доводов их жалобы.

Так, одно из первых решений Конституционного Суда РФ по проблеме судебного контроля гласит: исключение из возможности судебной проверки решений государственных органов представляет собой существенное ограничение прав граждан³³. В последующем данная позиция только укреплялась³⁴.

Отсюда одним из отличительных признаков судебного контроля является осуществление его в связи с возможным ущемлением конституционных прав личности³⁵.

Данная позиция полностью согласуется с практикой Европейского Суда по правам человека. Так по делу «Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии»³⁶ он указал, что действия правоохранительных органов не подлежат судебному контролю ровно до тех пор, пока они не станут известны заинтересованному лицу, и уже с этого момента должна быть предоставлена возможность их обжалования в суд. В частности, такие факты могут выявляться в случае тайного прослушивания телефонных переговоров лица с последующим извещением о его результатах одновременно с началом официального уголовного преследования. Объем же судебного контроля должен обеспечивать возможность учета всех обстоятельств дела, в том числе тех, которые касаются вопроса о соразмерности любых ограничительных мер, применяемых в отношении граждан³⁷.

Как видим, названные пределы судебного контроля достаточно размыты, и он всегда будет приоритетным по отношению к любым административным процедурам (процессуальный контроль, прокурорский надзор).

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.1993 № 2-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики, связанной с судебным порядком рассмотрения споров о предоставлении жилых помещений; о проверке конституционности административного порядка выселения граждан из самоуправно занятых жилых помещений с санкции прокурора; о проверке конституционности отказа в возбуждении уголовного дела» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.1998 № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. на соиск. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2002. С. 11.

³⁶ Решении ЕСПЧ от 06.09.1978 (жалоба № 5029/71) // База решений Европейского Суда по правам человека [электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.10.2016).

³⁷ § 32 постановления ЕСПЧ от 20.09.2016 «Дело «Власов (Vlasov) и Беньяш (Benyash) против Российской Федерации» (жалобы № 51279/09 и 32098/13).

В ряду изученных нами в связи с написанием настоящей статьи правовых позиций Европейского Суда по правам человека выделяется постановление от 23.02.2016 по делу «Навальный и Офицеров (Navalnyy and Ofitserov) против Российской Федерации»³⁸. По делу обжаловалось несправедливое привлечение к уголовной ответственности, выразившееся, в том числе, и в несправедливой организации производства по уголовному делу. Вопреки своим обычаям Европейский Суд вмешался в вопросы оценки фактов, позволивших возбудить уголовное дело, и констатировал отсутствие состава преступления в действиях обвиняемых, не вдаваясь при этом в изучение доказательств. Однако для нас важным является не этот момент, а другое: впервые на уровне международного органа правосудия произошла оценка российского института досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам.

По мнению Европейского Суда по правам человека, назначение наказания заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве до дачи им показания в суде нарушает право на справедливое судебное разбирательство. Дело в том, что в этом случае такое лицо, выступая в качестве свидетеля по делу в отношении своих соучастников, в какой-то степени «подкуплено» государством назначением ему значительно меньшего наказания. А это вызывает сомнения в объективности сообщаемых им сведений. А поэтому изменению, видимо, должно быть подвергнуто заложенное в ст. 154 УПК РФ положение о выделении уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение, которое в силу значительного сокращения объемов работы по выделенному делу и возможности прохождения судебных стадий без полноценного судебного следствия позволяет постановить приговор значительно раньше приговора по «оставшемуся» делу³⁹. Если же посмотреть на ситуацию с другой стороны: нахождение на стадии предварительного расследования уголовного дела без проведения по нему активных следственных действий, особенно если сотрудничающий со следствием обвиняемый содержится под стражей, будет ущемлять принцип разумных сроков досудебного производства по делу (например, по делу «Бородин (Borodin) против Российской Федерации»⁴⁰).

³⁸ Жалобы № 46632/13 и 28671/14 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Надо сказать, не всегда на практике получается, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, привлекается к более суровой уголовной ответственности. Иногда в силу установления по основному делу новых обстоятельств защите соучастников удается значительно смягчить тяжесть обвинения. Подробнее см.: Тимошенко А.А. Реализация прокурором полномочий по заключению и исполнению досудебного соглашения о сотрудничестве: учеб. пособие. М., 2013.

⁴⁰ Постановление ЕСПЧ от 06.11.2012 (жалоба № 41867/04) (СПС «КонсультантПлюс»). Для справедливости стоит сказать, что по этому делу Суд не усмотрел нарушения ст. 6 Конвенции, даже несмотря на 5-летний

На наш взгляд, выход видится в установлении искусственного разрыва между моментом признания лица виновным и вынесением решения о назначении ему наказания. Если лицо содержится под стражей, то исчисление сроков применения меры пресечения должно осуществляться по правилам, установленным процессуальным законом для суда, т.е. без учета предельных сроков применения данной меры процессуального принуждения.

Как видим, практика Европейского суда по правам человека относительно защиты права на справедливое судебное разбирательство при досудебном производстве по уголовному делу подчеркивает необходимость защиты прав участников уголовного судопроизводства, а также граждан, интересы которых затрагиваются действиями сотрудников правоохранительных органов. Всячески подчеркивается всеохватность судебного контроля за их действиями.

Даже краткий выборочный анализ правовых позиций Европейского Суда свидетельствует о достаточной размытости границ, разделяющих констатацию факта наличия или отсутствия нарушения ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (право на справедливое судебное разбирательство). Однако некая закономерность здесь все-таки усматривается. Если коротко, ее можно свести к следующим формулировкам.

Досудебное производство по уголовному делу есть официальная деятельность уполномоченных должностных лиц государственных органов, основной целью которой является соблюдение прав личности, что требует учета и оценки множества фактов и условий применения норм права. Отсюда любое ущемление возможности судебной защиты этих прав, создание препятствий для суда обстоятельно разобраться со случившимся указывает на нарушение ст. 6 Конвенции.

В будущем в целях предотвращения возрастания числа проигранных РФ дел в Европейском Суде по правам человека следует ориентировать правоохранительные органы на отказ от формальной констатации в своих решениях соблюдения нормы УПК РФ, а требовать перечисления конкретных обстоятельств, установленных по делу, которые привели их к выводу о необходимости принятия этого решения. При этом преобладающим мотивом должна стать правозащитная деятельность в отношении прав и законных интересов не только потерпевшего, но и обвиняемого. Ссылка на публичный интерес должна соотноситься с необходимостью учета названных приоритетных правовых ценностей.

Ну и, наконец, нужно всегда помнить о второстепенной роли следствия и не допускать состоятельность на стороне обвинения.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Изд-во «Мысль», 1983.
2. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9.
3. Бочкарев С.А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 73–80.
4. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. на соиск. ... д-ра юрид. наук. Новгород, 2002.
5. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Изд-во «Наука», 1970.
7. Тимошенко А.А. Механизмы защиты от необоснованного ареста имущества по уголовным делам об экономических преступлениях (возможные способы доступа к правосудию третьих лиц) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 107–116.
8. Тимошенко А.А. Пределы свободной оценки доказательств по уголовным делам // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 205–211.
9. Тимошенко А.А. Реализация прокурором полномочий по заключению и исполнению досудебного соглашения о сотрудничестве: учеб. пособие. М., 2013.
10. Тимошенко А.А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как мера безопасности в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

Ensuring the Right to a Fair Trial Pre-Trial Stage Criminal Process

Tymoshenko A.A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Academy of the Prosecutor General of the RF
E-mail: antim1@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of respect for the right to a fair trial at the pre-trial stage of the criminal process. It is proposed to take into account the secondary role of pre-trial activity, whose task is to prepare materials for trial. This competitiveness for the prosecution is not allowed. Analysis of the European Court of Human Rights indicates sufficient blurring boundaries that separate statement of the facts of the presence or absence of a violation of Art. 6 of the European Convention «On Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms» (the right to a fair trial). But in any case the decision is motivated by the observance of guarantees of access to justice. Hence, any infringement of the possibility of judicial protection of those rights, the creation of obstacles for the court to deal with the incident in detail points to a violation of Art. 6 of the Convention.

Keywords: the right to a fair trial stage of criminal proceedings, the prosecutor, the investigator, the judge, the judicial protection of constitutional rights.

срок расследования по делу, так как расследование было «сложным», а поведение сторон «разумным» для подобного временного интервала.

References

1. Aristotel'. Sochineniya. T. 4. M.: Izd-vo «Mysl'», 1983.
2. Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A. Komu meshaet sledstvennaya vlast'? // Rossiyskiy sledovatel'. 2016. № 23. S. 3–9.
3. Bochkarev S.A. Aksiologiya ugovnogo prava: vvedenie v temu i problemy ee stanovleniya // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2015. № 4 (5). S. 73–80.
4. Kovtun N.N. Sudebnyy kontrol' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. na soisk. ... d-ra yurid. nauk. N.Novgorod, 2002.
5. Reznik G.M. Vnutrennee ubezhdenie pri otsenke dokazatel'stv. M.: Yurid. lit., 1977.
6. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. T. 2. M.: Izd-vo «Nauka», 1970.
7. Timoshenko A.A. Mekhanizmy zashchity ot neobosnovannogo aresta imushchestva po ugovnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh (vozmozhnye sposoby dostupa k pravosudiyu tret'ikh lits) // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. 2015. № 6 (23). S. 107–116.
8. Timoshenko A.A. Predely svobodnoy otsenki dokazatel'stv po ugovnym delam // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2016. № 3 (8). S. 205–211.
9. Timoshenko A.A. Realizatsiya prokurorom polnomochiy po zaklyucheniyu i ispolneniyu dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: ucheb. posobie. M., 2013.
10. Timoshenko A.A. Sokhranenie v tayne dannykh o lichnosti poterpevshego i svidetelya kak mera bezopasnosti v ugovnom protsesse: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012.